

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.6.17>

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)47

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.: РЕФОРМЫ И ПРОЕКТЫ ¹

Дмитрий Валентинович Васильев

Кандидат исторических наук, доцент, первый проректор,
Институт государственного управления, права и инновационных технологий
dvvasiliev@mail.ru
ул. Александра Солженицына, 13, 109004 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья написана на основе опубликованных и архивных источников. В ней рассмотрены реформа О.А. Игельстрома, а также проекты по управлению Казахской степью, подготовленные некоторыми российскими чиновниками, офицерами и духовными лицами. Показаны их особенности, сделан вывод об их влиянии на российскую политику в регионе.

Ключевые слова: история Казахстана, законодательство, политика Российской империи, Центральная Азия, Игельстром, Хусаинов, реформы управления.

В рассматриваемый период Оренбург продолжал оставаться центром российского управления Казахской степью. Малая орда рассматривалась как своего рода полигон для преобразований, которые можно было бы распространить на другие степные регионы. А потому именно к ней был прикован интерес имперской администрации, решившей перейти к активной фазе конструирования российской системы управления в казахских землях.

Несмотря на то что проблемы истории казахов занимают заметное место в современной отечественной историографии, большая их часть посвящена казахам, проживавшим на территории Сибирского ведомства [14; 15]. Среди работ последнего времени, затрагивающих вопросы организации управления казахами Оренбургского ведомства, обращают на себя внимание труды оренбургского историка С.В. Любичанковского [5–7] и казахстанских исследователей Н.С. Лапина [4] и Г.С. Султангалиевой [16], в которых с разной степенью подробности рассматриваются административные преобразования в Малой орде конца XVIII столетия. Тем не менее пред-

ставляется возможным еще раз вернуться к мероприятиям, осуществленным О.А. Игельстромом для того, чтобы посмотреть, в какой мере они соответствовали взглядам правительства, реальным потребностям реформирования степного управления, а также какой резонанс получили в кругах, близких к пограничному управлению.

Время правления Екатерины II ознаменовано поиском способов управления подвластными казахами. Причем поиск этот происходил весьма осторожно, балансируя между попустительством, компромиссом и интригой. Перед властью стояла задача минимизации административных усилий в этом направлении. Поэтому шаги, предпринимавшиеся правительством, зачастую выглядят сегодня противоречиво.

Принципиальной частью узаконений екатерининского периода о казахам оказались вопросы судопроизводства, ставшие важнейшей составляющей так называемой реформы генерал-губернатора О.А. Игельстрома, хотя начало ее было положено высочайшим повелением об учреждении в Оренбурге Погранич-

ного суда, данным предшественнику генерал-поручику А.И. Апухтину. В 1784 г. для казахов Малой орды суд был учрежден в Оренбурге при равном представительстве русского и казахского населения под председательством обер-коменданта. Срок пребывания судей в своих должностях ограничивался тремя годами. Подобный суд предлагалось учредить и для Средней орды в западной части казахских кочевий [10, № 15991, с. 142–144]. Ему должны были быть подсудны гражданские и уголовные дела между казахами и другими российскими подданными [9, с. 70].

Развивая заложенную в указе императрицы от 2 мая 1784 г. идею об организации судебных установлений для кочевников, О.А. Игельстром в мае 1786 г. предложил создать суды первой инстанции для казахов – расправы в каждом из трех главных родов Малой орды, состоявшие под председательством родоначальника из двух заседателей из старшин и муллы. При каждой расправе желательно было иметь верного правительству депутата (пристава), который вместе с муллой призван был доставлять пограничным властям информацию о местных событиях. При этом во всех 32 поколениях (меньших родах) он считал необходимым учредить по народному выбору одного старшину для осуществления полицейских полномочий и разбора незначительных дел. Всем поступившим на указанные должности лицам полагалось определить жалованье, то есть фактически превратить их в должностных лиц [8, с. 71]. Оправдывая создание расправ, генерал-губернатор позднее говорил, что к передаче «власти исполнительной самому народу чрез установление главных и частных старшин» его вынудили султаны из рода Абулхаира, большинство из которых препятствовали административным преобразованиям в Малой орде [8, с. 123].

Императрица одобрила учреждение Пограничного суда в Оренбурге, подчеркнув, что пределы его компетенции, ограничиваясь гражданскими и уголовными делами между казахами, не будут распространяться на управление [10, № 16400, с. 604–606]. Она признала желательным создать внутри Малой орды расправы из расчета одной расправы на количество населения, соответствующее уезду внутренней России [9, с. 72–73]. Заседа-

ния суда официально начались 3 октября 1786 г. [10, № 16482, с. 768], однако с первых шагов орган этот показал свою низкую эффективность и вынудил казахских старшин просить прислать особого уполномоченного, который, находясь постоянно среди кочевий, мог бы осуществлять судебные функции [8, с. 75].

Таким образом, уже в конце XVIII в. в регионе начинает складываться система первичного управления, важнейшим принципом которой было сочетание местных традиций (избрания старшины) со стремлением имперской власти держать своих подданных под административным контролем. Имперская власть понимала, что одномоментно отменить древние традиции в кочевом сообществе невозможно. Ликвидировать ханскую власть не удастся, как не удастся отменить и принцип избрания хана (принцип, институционально неприемлемый для России). Однако продолжавшиеся распри среди казахов толкали пограничную администрацию к серьезному ограничению или даже полному уничтожению ханской власти.

Через три недели предложение О.А. Игельстрема об учреждении расправ было утверждено императрицей. Однако обращает на себя внимание весьма осторожное отношение Петербурга к делам кочевников. Правительство выжидало, как станут развиваться события в казахской степи, а до тех пор опасалось предпринимать решительные шаги и демонстрировать активное вмешательство во внутреннюю жизнь кочевников, дабы не вызвать недовольства. Видимо, этим же был продиктован и особый акцент на функцию Оренбургского пограничного суда именно как судебного органа для казахов, не имеющего никаких административных полномочий [10, № 16400, с. 604–606].

Созданные генерал-губернатором в каждом из трех поколений Малой орды расправы должны были соединять в себе судебные и полицейские функции. Так, с одной стороны, расправа была обязана принимать к производству как гражданские, так и уголовные дела от казахов соответствующего поколения (входящих в него родов), а с другой – наблюдать за сохранением на территории поколения «благочиния, добронравия и порядка». Ей подчинялись все роды поколения, на начальников которых возлагалось беспрекословное испол-

нение всех решений расправы. В свою очередь расправа, на правах суда низшей инстанции, подчинялась Оренбургскому пограничному суду, к которому должна была обращаться для разрешения спорных вопросов или трудных дел. На расправу возлагалась обязанность обнародовать все предписания главного начальника края и требовать их неукоснительного исполнения. Кроме того, к предметам ее ведения О.А. Игельстром отнес предупреждение казахских набегов на пограничную линию, отгона скота и укрывательства беглых россиян, похищенного скота и имущества, а также судебное преследование казахов, наказание и взыскание ущерба. Располагаться эти учреждения должны были в середине территории поколения и функционировать ежедневно, за исключением праздничных и воскресных дней [8, с. 100–101].

Открытие трех расправ в Малой орде было утверждено императрицей 7 декабря 1787 г. [10, № 16592, с. 950–951]. Побывавшие в степи очевидцы событий того времени отмечали неэффективность вновь созданных органов управления Малой ордой. Докладывали, что «оние расправы почти не существуют, ибо в оных посажены судьи, мало имеющие доверенности в знатных киргизских людях, да и существовать расправы невозможно, потому что остается один секретарь, а судьи при своих кочевьях в нескольких стах верстах от расправ, как им по воле их рассудится, где быть; а иногда и секретаря нет. Одним словом, в тех расправах течения дел никаких нет, а только, как время придет брать жалованье, то оно приезжают требовать, а получа, обратно уезжают куда рассудит», что члены Оренбургского пограничного суда «из низких людей выбраны и поведения совсем месту их не соответствующего» [3, с. 127; 8, с. 105]. Для российских жителей учреждение Пограничного суда и расправ также стало дополнительным отягощением, вынуждая выставлять на службу несравнимо большее (почти в пять раз) нерегулярное войско [8, с. 106]. Наиболее знатные казахские старшины отказывались заседать в расправах, видимо, считая эту должность более присущей званию бия. Зато они готовы были стать «смотрителями и наблюдателями за порядочным производством дел в расправах». Считая не-

возможным выполнить это пожелание, барон О.А. Игельстром решил учредить, дополнительно к прежде утвержденным трем главным старшинам, еще семерых главных старшин во всех трех поколениях Малой орды и 39 старшин (родоначальников) в отдельных родах, полагая, что появление в степи множества начальников истребит в народе мысль о едином правителе – хане [8, с. 98]. Султаны из рода Абулхаира вообще игнорировали все нововведения в степи, справедливо полагая, что таким образом пограничное начальство отстраняло их род от власти. Опасаясь, что они могли сохранить среди казахских старшин и простого народа определенную популярность, и желая не отвращать их окончательно от империи, а также надеясь привлечь потомков Абулхаира на сторону российской администрации, дабы «султаны не остались навсегда исключенными из общества киргизского народа» и не могли составить оппозицию власти, О.А. Игельстром зарезервировал для них две должности: одно место в Пограничном суде, другое непосредственно при генерал-губернаторе в качестве «депутата от народа» [8, с. 124].

Признавая пока еще невысокую эффективность расправ, генерал-губернатор отмечал, что некоторые из них уже сделали много полезного, и что прошло еще мало времени для того, чтобы требовать от новых органов управления той же отдачи, что и от подобных учреждений внутри империи. А в отношении избранных в расправы якобы непопулярных и недобросовестных судей несколько наивно заявлял, что у него нет оснований не доверять выбору народа, ибо вряд ли казахи избрали на такие ответственные посты мздоимцев и корыстолюбцев [8, с. 117]. В отношении же заседателей Пограничного суда генерал-губернатор выражал надежду, что даже если в него и попали случайные люди, то лишь из-за смутных представлений о природе этого органа, из-за того, что судебных заседателей поначалу можно было спутать с аманатами. Главный начальник края выразил уверенность в том, что при скорых очередных выборах в Пограничный суд попадут казахи, пользующиеся несомненным уважением в народной среде [8, с. 118].

Идеи преобразования казахского управления возникали не только в среде высшего

чиновничества. Выполнявший особые поручения генерал-губернатора по пограничному управлению полковник Д.А. Гранкин в 1788 г. предложил следующим образом реформировать управление. Отказавшись от хана как главы Малой орды, он считал необходимым разделить ее на четыре части (не привязываясь к родовому принципу), во главе каждой из которых поставить наиболее авторитетных султанов (Ералы, Айшуака, Каипа и Карабея) в ранге уездных предводителей с расширенными полномочиями. Этим султанам и надлежало предоставить право избрать себе судей (членов правлений-расправ). Лучший старшина от каждого султана или их правления должен был поступить в Оренбургский пограничный суд (диван) при условии, что этот старшина со своим родом будет кочевать неподалеку от Оренбурга, дабы власти имели возможность его контролировать. Во главе дивана Д.А. Гранкин предлагал поставить российского начальника. В каждую из расправ надлежало определить по одному секретарю из русских, владеющих татарским языком, и по одному мулле. Для большего повиновения закону и исполнения законных приказаний султанов при каждом из них (при расправе) и пограничном суде следовало иметь по 200 человек джигитов из местного населения с производством им жалованья [3, с. 129–130; 8, с. 105].

Пожалуй, это первое предложение при организации управления кочевниками отказаться от родового принципа, перейдя к территориальному. И хотя в степи пределы территориальных обществ часто совпадали с родовыми, отказ от упоминания конкретных родов и предложение конкретных лиц (а не абстрактных родовых старшин) в качестве начальников административных образований представляется достаточно прогрессивным, предвосхищающим тенденцию к ослаблению традиционной системы управления казахами. Назначение российского чиновника главой пограничного суда как главного судебно-административного органа и внедрение русских секретарей в расправы свидетельствует о желании сделать степную администрацию более эффективной и чуткой к требованиям имперской власти. Тому же должны были служить и призванные выполнять полицейские

функции отряды. Привлечение же мулл к управлению должно было освятить пророссийские действия местной первичной администрации. Однако все эти предложения были несвоевременны. В среде российских чиновников еще не сложилось мнение о необходимости более радикальных и сложных преобразований в степи. Обратим внимание еще на одно интересное предложение Д.А. Гранкина. Во многом не соглашаясь с бароном О.А. Игельстромом, он, тем не менее, приблизился к нему в понимании необходимости сращивания казахской элиты с российской и пошел еще дальше. Если генерал-губернатор размышлял о возможности приема потомков Абулхаира на российскую службу, то полковник Д.Г. Гранкин предлагал поощрять детей хана Нуралы к участию в жизни дворянского общества Уфы [8, с. 107].

Итак, в 1786–1787 гг. начала функционировать модель управления казахским населением, разработанная при самом активном участии генерал-губернатора О.А. Игельстрема. Малая орда в административном отношении была поделена на три главных рода. В каждом из трех главных родов генерал-губернатор утвердил в должностях избранных главных старшин и родовых старшин (или родоначальников) в более мелких родах, их составляющих; привел их к присяге на Коране, установил жалованье [9, с. 74]. Иными словами, обратил традицию в должность. Генерал-губернатор был убежден, что новые чиновники «мысль чтоб иметь в орде хана совсем уничтожат <...> в народе» [9, с. 78]. В каждом из трех родов учреждались расправы для разбора уголовных и гражданских дел между казахами, состоявшие из трех избираемых судей, утверждавшихся генерал-губернатором. Апелляционной инстанцией для всех расправ стал Оренбургский пограничный суд.

Интересно, что барон О.А. Игельстром в своем служебном рвении, чувствуя «кажущуюся готовность их (казахов. – Д. В.) принять в Орде всякое учреждение» [8, с. 71], самовольно вышел за пределы указанных ему императрицей полномочий Пограничного суда. В соответствии с утвержденными им правилами деятельности расправ, последние превращались не только в судебный, но и в полицейский и административный орган, ответ-

ственный за исполнение на территории всего рода распоряжений вышестоящего имперского начальства [8, с. 76–77].

Тем не менее, несмотря на все старания и увеличение числа расправ до пяти, они в 1803 г. были признаны не только не нужными, но никогда на самом деле не работавшими. И через год прекратили свое существование [12, № 21404, с. 40–42].

В 1795 г. служивший в Западной Сибири на Ишимской и Тобольской линиях генерал-майор Я.В. Боувер предложил план реорганизации внутренней жизни Среднего жуза, значительная часть которого касалась управления казахами. В частности, он предлагал учредить в орде два суда с участием представителей как российской, так и местной стороны. Главный суд, ведению которого предлагалось отнести решение всех дел, он считал целесообразным разместить на пограничной линии в крепости Святого Петра (позднее – Петропавловск). Второй учредить при ставке хана Уали в степи. Он должен был разбирать обстоятельства споров между торговыми людьми и местными жителями, по возможности решать их или представлять результаты своего разбирательства на решение главного суда. Территорию Средней орды Я.В. Боувер считал необходимым разделить на волости, а крупные волости – на части, поставив во главе тех и других особых начальников. В волостях полагалось создать волостные словесные суды, непременными заседателями которых должны были стать муллы из числа татар, назначавшиеся к службе при мечетях российской администрацией. Для каждого султана, старшины и бия, как считал Я.В. Боувер, следовало построить хутора с загонами для скота, «а для зимнего пребывания в каждой волости – собственно для них дома и при оных мечети и кладбища». Главной же мерой стимулирования казахов к оседлости признавалось их постепенное приобщение к сенокосению и хлебопашеству. Для привлечения казахов к спокойной жизни предлагались и меры гуманитарного характера: учреждение при линейных крепостях больниц и создание в крепости Святого Петра школы для обучения детей русской и татарской грамоте. Преподавание татарской грамоты должно было стать одной из обязанностей волостных мулл. Безопас-

ность в Степи виделось возможным укрепить через отправку как местных жителей для торговли на линию, так и купцов с товарами не по одиночке, а группами (партиями) во главе с начальниками в первом случае и караванбашами или приставами во втором. Этой же цели предполагалось достигнуть и за счет развития института аманатов. Аманатов полагалось содержать как в крепости Святого Петра, так и во всех волостях, через которые будут проходить купеческие караваны [3, с. 146–148].

Предложенная генерал-майором Я.В. Боувером система управления в Среднем жузе интересна не только тем, что она стала первым проектом создания, по сути своей собственно российской системы управления для этой части Казахской степи. Она продемонстрировала и то обстоятельство, что Средняя орда на практике уже перестала отождествляться российскими деятелями с Малой ордой. И с конца XVIII в. начала рассматриваться как самобытное административно-территориальное образование, которое должно было иметь уникальную систему управления.

Заметим, что часть предложений Я.В. Боувера, которая не расходилась с идеями реформы О.А. Игельстрома, нашла понимание в правительстве. В самом конце XVIII столетия оно вернулось к идее создания пограничного суда для казахов Средней орды. 18 марта 1800 г. было принято решение учредить, по аналогии с оренбургским, такой суд в Петропавловской крепости, а в Семипалатинской крепости – особое присутствие этого суда для разбора дел между казахами, кочующими близ Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей [11, № 19332, с. 84–86].

Интересно, что предложения о преобразовании управления казахами поступали не только от дипломатических чиновников, военных и гражданских начальников, но и от лиц, казалось бы, непосредственно не связанных с вопросами взаимодействия российской администрации со Степью. В 1801 г. оренбургский муфтий Мухаммеджан Хусаинов (Гусейнов) составил проект преобразования Малой орды [13, л. 22–29]. Муфтий Хусаинов сам неоднократно бывал в Казахской степи, выполнял там разного рода поручения: участвовал в открытии расправ, командировался в Младший жуз в 1790 г. для

умиротворения казахов, чье недовольство было вызвано ужесточением режима с приходом к власти генерал-губернатора А.А. фон Пейтлинга [1, л. 45–48].

Неустроенность казахов Оренбургского ведомства муфтий списывал на фактическое бессилие хана Айшуака, который, вопреки всем инструкциям, кочевал со своей семьей близ российской границы, утратил связь с ханским советом и отдаленными районами собственной орды. Исходя из этого муфтий считал желательным разделить Малую орду на две части – два главных правления во главе с ханами: одно в составе самого крупного и значимого алимулинского рода, другое в составе байулинского и семиродского. К каждому хану он предлагал определить по султану от каждого рода и по два или по три советника. Кроме того, М. Хусаинов считал необходимым, чтобы местные главные правители из среды наиболее авторитетных и уважаемых в народе людей, без благословения которых никакие важнейшие события в орде не происходили, избирали до шести или девяти депутатов, без согласия которых ханы не могли бы принимать сколько-нибудь значимые решения. Этим депутатам предлагалось дать особые привилегии и выплачивать жалование. Во вновь создаваемые правления предлагалось также определить в качестве письмоводителей мулл по назначению оренбургского муфтия.

В качестве еще одной меры муфтий считал необходимым отрядить вглубь территории Младшего жуза единоверных казахам полсотни вооруженных российских тептярей во главе с одним начальником. Эти войска должны были выступить аналогом казачьего отряда, направлявшегося в свое время для учреждения судов в Кабарде и наведения там порядка. На командира тептярей предлагалось возложить функции пристава в Малой орде. Действовавшего же хана Айшуака муфтий допускал оставить в покое в нынешнем его месте пребывания вблизи Нижнеуральской линии.

Оренбургский муфтий признавал нецелесообразной выплату жалованья родовым судьям, чиновникам расправ и старшинам. Он был глубоко убежден в том, что на эти посты избирались далеко не самые достойные каза-

хи, не достойные не только жалованья, но и какого-либо уважения вообще. М. Хусаинов полагал, что если главные правления сочтут необходимым вознаградить жалованьем усердие достойного, они вполне смогут исходатайствовать его у соответствующего начальства.

В документе предлагалось строжайше запретить практиковавшуюся между Россией и казахами барымту как провоцировавшую последних на похищения людей и прочий вред, наносимый России. Вместе с этим признавалось необходимым вообще запретить пропуск с российской стороны в степь кого-либо за исключением купечества и торговых людей.

Муфтий М. Хусаинов признавал, что султаны, как проводники имперской политики в Степи, не вызывали доверия, а потому все сношения со степными жителями российской стороне следовало осуществлять непосредственно через ордынских ханов и запретить султанам выдавать разрешения на перекочевку казахов на внутреннюю сторону Яика. Автор документа выражал обеспокоенность тем, что знатные и авторитетные казахи, вне зависимости от важности обстоятельств, а зачастую исходя лишь из собственного корытолюбия, направляли нарочных к пограничному начальству, не снабдив их достаточными средствами для жизни в Оренбурге. Вынужденные в скором времени вернуться, эти посыльные рассказывали о своих злоключениях, что вызывало «соблазн и великое замешательство» у соплеменников. Поэтому муфтий вновь подтверждал свое мнение о необходимости жесткого ограничения подобных разъездов, отнеся сношения с пограничным начальством к компетенции вновь создаваемых ордынских правлений.

Отдельно оренбургский муфтий остановился на вопросе обеспечения безопасного следования торговых караванов через казахские владения. И предложил брать у тех казахских родов, которые возьмутся конвоировать купцов по степи, аманатов или обязать их поручиться за безопасность торговли. В необходимых случаях он предложил обращаться к российской стороне с просьбой о предоставлении вооруженного конвоя. А тех казахов, которые могли быть уличены в разграблении купеческих караванов, следовало привлекать к ответственности и взыскивать с них ущерб.

В конце документа муфтий заключил, что подобное устройство было бы целесообразно ввести и у казахов сибирского ведомства для приведения их в «должное и настоящее верноподданничество».

План оренбургского муфтия поступил на рассмотрение в Сенат, откуда в мае 1802 г. был направлен оренбургскому военному губернатору Н.Н. Бахметеву (1798–1803), который выступил оппонентом М. Хусаинова, заявив, что не видит смысла в разделении орды, предлагаемом муфтием. По его мнению, гораздо более эффективным средством по приведению казахов в повиновение являлся страх. Утверждая, что предлагаемое реформирование Казахской степи окажется безрезультатным, подобно реформе барона О.А. Игельстрома 1787 г., из всего проекта оренбургского муфтия губернатор делал вывод о том, что таким способом М. Хусаинов хотел неким образом усилить свое влияние в среде казахов, выдвинуть на место хана своего тестя султана Карабая и свести до самой незначительной роль оренбургского пограничного начальства. Относительно предложения о командировании в степь военной команды, губернатор решительно высказался, что войска могли стать разменной картой в постоянных междоусобицах казахских старшин и султанов, выступая на стороне одного из них против других, нанося разорение бессильным.

Губернатор не смог согласиться с муфтием и в том, что кочевание хана Айшуака близ пограничной линии не будет иметь негативных последствий, вполне основательно полагая, что хан легко станет участником междоусобных интриг. Бахметев не поддерживал муфтия и с идеей выплаты жалованья наиболее достойным должностным лицам из казахов. Он считал необходимым сохранить прежнюю практику выплаты вознаграждения за отдельные услуги.

Военный губернатор не исключал, что в противном случае ничем не оправданное вознаграждение будет попадать в руки родственников местных правителей. Н.Н. Бахметев не мог согласиться, что в барымте с казахами участвовали и русские жители. Он утверждал, что во взаимной барымте с ними принимали участие башкиры, в первую очередь прилинейные, причем едва ли не главным виновни-

ком продолжавшихся распрей признавался бывший оренбургский губернатор И.И. Неплюев, а точнее – проводившийся им политический курс.

Обращаясь к замечаниям М. Хусаинова о том, что даже у него местные султаны не вызывали доверия, губернатор задавался вопросом, каким же доверием будут пользоваться ханы и другие члены правлений, избранные из среды все тех же султанов. И все существовавшие беспорядки в официальных сношениях Казахской степи с Россией оренбургский губернатор относил на счет системного отношения султанов к империи как источнику собственного благоденствия. Что же касается предложения муфтия об организации киргизских караулов и других мер для обеспечения безопасности торговых караванов в степи, губернатор признавал эту меру преждевременной, ибо считал, что сами казахи еще не были готовы к этому, о чем косвенно свидетельствовал и сам М. Хусаинов.

Губернатор поймал муфтия на противоречиях и там, где тот в одном месте заявлял, что казахи алимулинского рода чрезвычайно бедны и с них ничего невозможно взыскать по причиненному ущербу за отгоны скота и т. п., а чуть ниже написал о том, что казахи достаточно богаты, и их природная склонность к взаимопомощи делает любые возмещения практически незаметными. Н. Бахметев добавил, что муфтий М. Хусаинов вообще не пользовался ни доверием, ни почтением казахов. А его предложение распространить предлагавшиеся им учреждения на Среднюю орду военный губернатор признал бесполезными [1, л. 45–48].

Рассмотренный выше документ, конечно, нельзя считать проектом полноценного Положения об управлении Малой ордой. Несмотря на то что он содержит ряд элементов, направленных на реорганизацию управления в Степи, в нем присутствуют и нерегламентированные замечания, предположения и пожелания, которые не могли стать основой для серьезного законодательного документа. Однако само по себе появление предложений по реорганизации управления Степью из-под пера духовного лица мусульманского вероисповедания свидетельствует как о готовности государства на рубеже XVIII–XIX столетий

широко обсуждать вопрос о будущем устройстве юго-восточных окраин российского государства, так и о включении в эту дискуссию высших духовных лиц мусульманского вероисповедания.

Надо сказать, что деятельность муфтия в Казахской степи оценивалась по-разному. Так, упомянутый выше полковник Д.А. Гранкин сообщал, что муфтий был одним из тех людей, которые вселяли в казахов смуту, убеждая, что от них не требуется истинной преданности российскому трону, что подданство надо использовать лишь с целью извлечения «единого лакомства, получая великие подарки», и «что по закону их, христиан должно обманывать» Д.А. Гранкин обращал внимание и на то, что доложенная императрице информация о приведении к присяге всего Младшего жуза была весьма далека от реальности [3, с. 125; 8, с. 104].

Тем не менее М. Хусаинов предлагал создать внутри Малой орды новую систему управления, отличавшуюся от всех, имевших место прежде в Казахской степи. Он считал необходимым разделить орду на два главных правления во главе с ханами. В состав правлений каждой из двух новых частей орды должны были войти по одному султану от каждого из подчиняющихся родов, два-три советника и от шести до девяти депутатов из числа наиболее уважаемых казахов. Без согласия этого правления хан не имел права принимать сколько-нибудь важные решения. Иными словами, при новых условиях власть хана не только дробилась, но и ограничивалась представителями местной аристократии (султанами и советниками), а также пользующимися доверием людьми, не все из которых могли принадлежать к родовой знати. Обеспечивать же стабильность новой властной системы в степи должен был российский вооруженный отряд.

Среди других важных вопросов, на которых остановился оренбургский муфтий, были мероприятия по привлечению казахов к охране торговых караванов (в том числе через применение института аманатов), ограничение своеволия султанов, запрещение барымты, возмещение казахами ущерба за причиненные ими убытки и т. п.

Предложения муфтия встретили сопротивление оренбургского губернатора, который

признал их абсолютно несостоятельными, и воплощение которых могло лишь привести к росту беспорядков в Малой орде. В ходе работы в центральных архивах России (РГИА, РГВИА, АВПРИ) пока не удалось выявить судьбу проекта М. Хусаинова. Поэтому можно предположить, что он остался без дальнейшего внимания.

Сравнение системы степного управления О.А. Игельстрема [2; 5; 6; 7] с предложенной М. Хусаиновым получается не в пользу последнего. Ничего не меняя в сути, муфтий предлагал уничтожить то, что не совсем удавалось развить. Но его предложения действительно были настолько сомнительны, непроработаны, эпизодичны и непоследовательны, что и не могли восприниматься всерьез. Мы рассмотрели их, с одной стороны, как свидетельство актуальности проблемы управления казахами на рубеже столетий, а с другой – как важный пример привлечения к законотворческой активности различных слоев имперской элиты.

Реализация реформ О.А. Игельстрема показала готовность царской администрации перейти в новую фазу взаимоотношений с казахским социумом – к активному вмешательству и в социальную структуру, и во внутриполитические отношения. Причем это проявилось не только в институциональном аспекте, но и применительно к повседневной практике взаимоотношений главной пограничной власти с ханами Малой орды.

Созданные О.А. Игельстромом учреждения принципиально отличались от традиционных казахских институтов и означали начало прямого участия империи в управлении Малой ордой. Утвержденные российской властью расправы и старшины призваны были стать непосредственными трансляторами имперской политики в среду коренного населения региона.

Явно отмечаемый интерес влиятельных чиновников разного уровня к поиску модели управления Казахской степью свидетельствует о накоплении в российско-казахских отношениях критической массы противоречий, которые должны были разрешиться более глубокими преобразованиями. В любом случае, Россия вступала в новую фазу отношений с казахами – в период адаптации их политической системы к имперским условиям.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Политика Российской империи в Центральной Азии. Первая половина XIX века», проект № 11-01-00511.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 122. – Оп. 2. – Д. 2. 1732–1798. Переписка по киргиз-кайсацким делам.
2. Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века / Д. В. Васильев. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 471 с.
3. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 гг.): (сб. док. и материалов) / редкол.: М. О. Джангалин, Ф. Н. Киреев, В. Ф. Шахматов. – Алма-Ата : Наука, 1964. – 575 с.
4. Лапин, Н. С. Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780–1790-е гг.) / Н. С. Лапин. – Астана : Сарыака, 2012. – 384 с.
5. Любичанковский, С. В. Политика генерал-губернатора О. А. Игельстрома по отношению к казахам (результаты контент-анализа документов Госсовета, 1787–1790 гг.) / С. В. Любичанковский // Человеческий капитал. – 2012. – № 8. – С. 132–135.
6. Любичанковский, С. В. Реляции О. А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи / С. В. Любичанковский // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 2 (39). – С. 102–107.
7. Любичанковский, С. В. Реформа управления казахской степью генерала Игельстрома в отражении опубликованных документов из архива Госсовета (конец XVIII века) / С. В. Любичанковский // Четвертые международные востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова. – Ташкент : Ташкентская и Узбекистанская епархия Московского патриархата РПЦ, 2014. – С. 139–147.
8. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.) / отв. ред. М. П. Вяткин. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – Т. IV – 543 с.
9. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) / сост. М. Г. Масевич. – Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. – 441 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1-е. – Т. XXII. 1784–1788. – СПб., 1830. – 1168 с.

11. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1-е. – Т. XXVI. 1800–1801. – СПб., 1830. – 875 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1-е. – Т. XLIV, ч. II. – СПб., 1830. – 1178 с.
13. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1374. – Оп. 4. – Д. 232. По представлению оренбургского муфтия Магометжан Гусейнова об установлении образа правления в киргизкайсацкой Меньшой орде на описываемом им основании, и о произведении ему столовых денег.
14. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 368 с.
15. Сулейменов, Р. Б. Из истории Казахстана XVIII века : (О внешней и внутренней политике Аблая) / Р. Б. Сулейменов, В. А. Моисеев. – Алма-Ата : Наука, 1988. – 144 с.
16. Султангалиева, Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.) / Г. С. Султангалиева. – Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2001. – 257 с.

REFERENCES

1. Perepiska po kirgiz-kaysatskim delam. 1739-1798 [Correspondence on Kirghiz-Kaisak Affairs. 1739-1798]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 122, Op. 2, D. 2.
2. Vasilyev D.V. *Rossiya i Kazakhskaya step: administrativnaya politika i status okrainy. XVIII - pervaya polovina XIX veka* [Russia and Kazakh Steppe: Administration Policy and the Status of the Outskirts. 18th and the First Half of the 19th Century]. Moscow, *Politicheskaya entsiklopediya Publ.*, 2014. 471 p.
3. Dzhangalin M.O., Kireev F.N., Shakhmatov V.F., eds. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII-XIX vekakh (1771-1867 gody): Sbornik dokumentov i materialov* [The Kazakh-Russian Relations in the 18th-19th Centuries (1771-1867): Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata, *Nauka Publ.*, 1964. 575 p.
4. Lapin N.S. *Deyatelnost O.A. Igelstroma v kontekste kazakhsko-rossiyskikh vzaimootnosheniy (1780-1790-e gody)* [O.A. Igelstrom's Activity in the Context of the Kazakh-Russian Relationship (1780s-1790s)]. Astana, *Saryaka Publ.*, 2012. 384 p.
5. Lyubichankovskiy S.V. *Politika general-gubernatora O.A. Igelstroma po otnosheniyu k kazakhham (rezultaty kontent-analiza dokumentov Gossoveta, 1787-1790 gg.)* [The Policy of Governor General O.A. Igelstrom in Relation to Kazakhs (Results of the Content Analysis of Documents of the State

Council, 1787-1790)]. *Chelovecheskiy kapital*, 2012, no. 8, pp.132-135.

6. Lyubichankovskiy S.V. Relyatsii O.A. Igelstroma v Gosudarstvennyy sovet kak istoricheskiy istochnik po probleme integratsii kazakhskikh zemel v sostav Rossiyskoy imperii [O. Igelstrom's Reports to the State Council as a Historic Source on a Problem of Integration of the Kazakh Area Into the Russian Empire]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2013, no. 2 (39), pp. 102-107.

7. Lyubichankovskiy S.V. Reforma upravleniya kazakhskoy stepyu generala Igelstroma v otrazhenii opublikovannykh dokumentov iz arkhiva Gossoveta (konets XVIII veka) [Reform of Management of the Kazakh Steppe of General Igelstrom in Reflection of the Published Documents From the Archive of the State Council (the End of the 18th Century)]. *Chetvertye mezhdunarodnye vostokovedcheskie chteniya pamyati N.P. Ostroumova* [The Fourth International Oriental Readings in N. Ostroumov's Memory]. Tashkent, Tashkentskaya i Uzbekistanskaya eparkhiya Moskovskogo patriarkhata RPTs, 2014, pp. 139-147.

8. Vyatkin M.P., ed. *Materialy po istorii Kazakhskoy SSR (1785-1828 gg.). T. 1* [Materials on History of the Kazakh Soviet Socialist Republic (1785-1828). Vol. 1]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. 543 p.

9. Masevich M.G., ed. *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii). T. 1* [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan (From Accession of Kazakhstan to Russia Till the Great October Socialist Revolution). Vol. 1]. Alma-Ata, Izd-vo Akademii nauk KazSSR, 1960. 441 p.

10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1. T. XXII. 1784-1788* [Complete

Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 22. 1784-1788]. Saint Petersburg, 1830. 1168 p.

11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1. T. XXVI. 1800-1801* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 26. 1800-1801]. Saint Petersburg, 1830. 875 p.

12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1. T. XLIV. Ch. II* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XLIV. Part 2]. Saint Petersburg, 1830. 1178 p.

13. Po predstavleniyu orenburgskogo muftiya Magometzhan Guseynova ob ustanovlenii obraza pravleniya v kirgiz-kaysatskoy Menshoy orde na opisyvaemom im osnovanii, i o proizvedenii emu stolovykh deneg [On the Proposal of the Orenburg Mufti Magometzhan Huseynov on the Establishment of the Form of Government in Kyrgyzstan, Kyrgyz-Kaisak Small Horde on the Described Basis, and on Paying Him Mess Allowance]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1374, Op. 4, D. 232.

14. Dameshek L.M., Remnev A.V., eds. *Sibir v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as a Part of the Russian Empire]. Moscow, Npve literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 368 p.

15. Suleymenov R.B., Moiseev V.A. *Iz istorii Kazakhstana XVIII veka: (O vneshney i vnutrenney politike Ablaya)* [From the History of Kazakhstan of the 18th century: On the Foreign and Domestic Policy of Ablay]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1988. 144 p.

16. Sultangalieva G.S. *Zapadnyy Kazakhstvan v sisteme etnokulturnykh kontaktov (XVIII - nachalo XIX v.)* [Western Kazakhstan in the System of Ethnocultural Contacts (18th - Beginning of the 20th Centuries)]. Ufa, RIO RUNMTs Goskomnauki RB, 2001. 257 p.

THE KAZAKH STEPPE AT THE TURN OF THE 18th-19th CENTURIES: REFORMS AND PROJECTS

Dmitriy Valentinovich Vasilyev

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
First Vice-Rector of Institute of State Management, Law and Innovative Technologies
dvvasiliev@mail.ru
Aleksandra Solzhenitsyna St., 13, 109004 Moscow, Russian Federation

Abstract. The following article is written on the basis of published and archival sources. O. Igelstrom's reforms, and also the projects for government of the Kazakh Steppe prepared by some Russian officials, officers and ecclesiastics are considered by the author. Their singularities and differences are shown; the conclusion on their influence on the Russian policy in the region is drawn. The main attention is paid to reforms of O. Igelstrom who created the administrative institutions founded on local political tradition in the Small Horde. He intended to use them as

instruments for the Russian influence in the Kazakh steppe. Local patrimonial leaders turned into government officials. But this experience was unsuccessful. Traditional Kazakh institutions didn't conform to requirements of the Russian administration. The failure of those reforms provoked search of new models for the organization of Kazakh steppe's administration. The Orenburg official D. Grankin suggested to refuse patrimonial division of the Small horde and to divide it according to the territorial principle. He suggested to include Russian officials and mullahs in all administrative bodies and to strengthen them by military detachments. The chief of the Siberian Lines Ya. Bouver suggested introducing the territorial division in the Middle Horde close to the imperial one. Expansion of the Russian sociocultural codes to the region was the main idea of his project. In the article considerable attention is paid to proposals of the Orenburg mufti M. Khusainov. He suggested to divide the Small Horde into two parts taking into account the patrimonial principle. The khan with sultans and advisers had to be at the head of each part. The deputies elected by notable Kazakhs had to become a sort of representative body in the part. The group of the armed Russian Muslims had to support safety in the Steppe. The Russian participation in internal administration of the Steppe was offered to minimize. Such approach couldn't satisfy the Russian administration. Search of the most optimum model for Kazakh's administration was continued in the 19th century.

Key words: history of Kazakhstan, legislation, policy of the Russian Empire, Central Asia, Igelstrom, Khusainov, administration reforms.